ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 347.4

Зинченко С.А.

КОРПОРАТИВНЫЕ АКТЫ И ПРАВООТНОШЕНИЯ: ПРИРОДА, ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В статье исследуется понятие корпоративной организации как субъекта гражданских правоотношений, автор определяет соотношение понятий «гражданские правоотношения» и «корпоративные правоотношения». Предложены методологические подходы к исследованию корпоративных правоотношений. Рассматривается правовая природа корпоративных актов.

The article makes analysis of concept of corporate body as subject of civil law, the author reveals interrelation of notion "civil legal relations" and "corporate legal relations".

Methodological approach to a research of corporate legal relations is proposed. The legal rationale of corporate acts is analyzed.

Ключевые слова: *корпорация, корпоративные правоотношения, права участника корпоративной организации, корпоративный акт.*

Key words: *corporation, corporate legal relations, rights of participant of corporate body, corporate act.*

Общие положения

Корпоративные отношения и их правовое регулирование в последнее время стали объектом пристального внимания ученых, законодателя, правоприменительных органов. Причиной тому является возросшее убеждение, что эффективность предпринимательской деятельности в стране во многом зависит от хорошо отглаженных внутрихозяйственных правовых механизмов её субъектов. Проблематика актуализировалась также принятием Концепции развития гражданского законодательства и проектом ФЗ «О внесении изменений в ГК РФ» [1], в которых предлагается включить в п. 1 ст. 2 ГК корпоративные отношения в качестве составной части предмета гражданско-правового регулированиях [2, с.12, 15].

В научных, научно-прикладных и прикладных изданиях развернулись дискуссии по широкому кругу таких проблем корпоративного права, как понятие корпоративного права; круг субъектов, признаваемых корпорациями; правовая природа учредительных документов корпоративных организаций; виды и природа корпоративных правоотношений, соотношение их с классическими гражданско-правовыми отношениями; механизм взаимосвязи корпорации, её органов и участников (акционеров) и др.

В сложном, взаимосвязанном комплексе корпоративных отношений обнаруживает себя и обязательственно-правовая модель участников. Вычленение её предполагает оценку складывающегося механизма возникновения корпорации, осуществление деятельности и прекращение её.

В этой связи возникает необходимость предварительной оценки концептуальных научных подходов и предлагаемых решений данной проблемы. И только потом можно выработать теоретико-методологическую основу понимания природы корпоративного обязательства и правоотношений в целом. Исходным пунктом анализа должна быть ясность в том, какое содержание мы вкладывали в понятие «корпорация» и какие субъекты имеют этот статус. В научной литературе обнаруживается изобилие суждений на этот счет. Выделим наиболее характерные из них.

Понятие «корпорация», корпоративные отношения употребляются в широком, весьма широком и узком смысле. Обосновывая весьма широкое значение понятия «корпоративные отношения». В.А. Белов полагает, что вполне будет правильным называть корпоративными такие отношения между людьми, которые заключают в себе ту или иную союзную компоненту – элемент объединения, общности, сообщества, сотрудничества [3, с. 47].

Корпорация в собственном (узком) смысле этого слова определятся автором как юридическая личность объединенного имущества и (или) деятельности, а также совместной текущей деятельности нескольких лиц [3, с. 57].

По мнению И.С. Шиткиной, к корпорациям в узком смысле относятся хозяйственные обще-

ства и производственные кооперативы [4, с. 12]. О.А. Макарова полагает, что корпорация представляет собой такую социальную совокупность, в которой интересы всех акционеров совпадают и объединены с общим интересом корпорации. Здесь на первый план выходят межличностные поведенческие отношения участников данного объединения.

Д.В. Ломакин отмечает факт отсутствия единого, общепринятого понятия корпорации. Его содержание зависит от особенностей той или иной правовой системы. В этом плане выглядит некорректным обозначение этим понятием только организационно-правовых форм организации акционеров по российскому законодательству [5, с. 20].

Ведя поиск места корпоративных отношений в догме гражданского права, Д.И. Степанов отмечает, что для простоты исследования под корпорацией понимается хозяйственное общество (ООО и АО, включая и ОАО и ЗАО). В то же время основные выводы в результате анализа правоотношений АО и ООО в равной мере применимы к любым юридическим лицам, допускающим членские отношения, включая некоммерческие организации, имеющие членские отношения [6, с. 35].

В.В. Долинская разделила корпоративные организации на три группы: корпорации (АО, ООО, производственные кооперативы); организации корпоративного типа (общества с дополнительной ответственностью, хозяйственные товарищества); не занимающиеся предпринимательской деятельностью организации корпоративного типа (потребительские кооперативы, часть некоммерческих организаций – собственников) [7, с. 69–470].

В Концепции развития гражданского законодательства предлагается законодательно закрепить деление юридических лиц с точки зрения организационной структуры на корпорации (построенные на началах членства) и на некорпоративные юридические лица. К первым отнесены хозяйственные общества и товарищества, производственные кооперативы и большинство некоммерческих организаций, ко вторым – унитарные предприятия, фонды и учреждения [8, с. 27–28].

Представленные и иные научные суждения о понятии «корпорация», предложения законодательного его закрепления, содержащиеся в Концепции, свидетельствуют о том, что до настоящего времени нет определенной ясности по данному сложному правовому явлению.

Так, трудно согласиться с В.А. Беловым в том, что сущность корпорации – это юридическая личность объединенного имущества, так как, когда есть личность, уже нет объединенного имущества, и наоборот. Деятельность (совместная деятельность) не характеризуют исходные признаки корпорации.

И.С. Шиткина, относя к корпорациям производственные кооперативы, ставит тем самым их в один ряд с хозяйственными обществами, в то время как они качественно отличаются друг от друга.

Трудно отнести корпорацию к социальной совокупности, в которой интересы акционеров, как полагает О.А. Макарова, объединены и совпадают с интересами корпорации, так как объединенные интересы акционеров не составляют интерес корпорации и не совпадают с ним. Здесь баланс интересов является весьма хрупким и достигается с большим трудом. В этих условиях не может быть речи о совпадении интересов указанных субъектов.

Корпорация в своей сущности представляет коммерческую организацию, основанную на объединении капиталов участвующих в ней лиц. Корпорация – собственник производительного капитала (потребительная стоимость) и его стоимости, в то время как ее участники являются собственниками соответствующих долей капитала, выраженных в стоимостном виде.

Ни о какой цели в подобном объединении, получившем статус корпорации как юридического лица, речи не должно идти при раскрытии ее правовой природы. Цель сама определяется тем, что такое образование является коммерческой организацией; то есть у нее иной основной цели, кроме получения прибыли, и не должно быть.

Предложенный Концепцией критерий членства как основания классификации юридических лиц на корпоративные и некорпоративные вызывает большие сомнения. Нельзя, видимо, относить организации к корпорациям по критерию, который не является сущностным для их характеристики. Не участие лиц в корпоративной организации является исходным ее признаком, тем более членство, которое в Концепции было распространено почему-то не только на производственные кооперативы, но и на хозяйственные общества.

Корпорация в своей полной завершенности предполагает использование только овеществленного труда (капитала) и не допускает обязательного участия лиц. Этому критерию соответствует в полной мере только акционерное общество. И здесь можно согласиться с В.А. Беловым, который пишет, что «если кто-то и может претендовать на «звание» и роль корпорации в собственном смысле этого сло-

ва, то это хозяйственные общества» [9, с. 75]. Корпоративные отношения с участием хозяйственных обществ являются позднейшей, высшей формой корпоративных отношений, своеобразным апогеем их развития [9, с. 76].

В порядке уточнения нашего согласия с суждениями автора отметим, что на роль завершенной организационно – правовой формы может претендовать не любое хозяйственное общество, а только акционерное общество. В ООО имеют место элементы личного участия, в том числе институт исключения из такого общества, что недопустимо при формировании организации на основе объединения капиталов.

Можно ли признавать корпорациями ООО, хозяйственное товарищество, производственный кооператив? Их объединяет с акционерными обществами то, что все они являются коммерческими организациями. Но принципиальное различие между ними заключается в том, что в хозяйственном товариществе и производственном кооперативе основным производительным капиталом является личное участие, труд. В АО «работает» овеществленный труд, капитал. ООО занимает некое промежуточное положение, так как в нем обнаруживаются признаки объединения лиц и объединения капиталов, однако преобладает здесь последний признак, т.е. объединение капиталов. Таким образом, применительно к предпринимательской деятельности к корпорациям в широком смысле нужно отнести хозяйственные товарищества, хозяйственные общества и производственные кооперативы. К корпорациям в узком смысле относится только акционерные общества как наиболее зрелая и совершенная правовая форма.

Установив закономерности создания и деятельности АО, можно выявить и особенности правового функционирования более «не развитых» корпоративных форм, к которым относятся ООО, хозяйственные товарищества, производственные кооперативы.

В дальнейшем исследование будет вестись применительно к хозяйственным обществам.

Исходные корпоративные правоотношения и их правовая природа

При исследовании корпоративных правоотношений на первое место обычно ставят следующие вопросы: являются ли эти отношения разновидностью гражданско-правовых отношений или они обладают своей самостью, отличной от последних; могут ли они быть классифицированы на вещные и обязательственные, абсолютные и относительные, имущественные и неимущественные; являются ли обязательственными отношения между акционерами (участниками ООО) и их обществами (это закреплено в п.2 ст.48 ГК РФ) и др.? Ответы на эти вопросы даются неоднозначные и даже противоположные. Проанализируем некоторые из них.

Прежде всего важно определиться в том, как соотносятся корпоративные и гражданские правоотношения? Являются ли последние родовыми, а первые – их разновидностью? С эвристической и гносеологической точек зрения, отмечает Д.И. Степанов, более перспективным является отказ хотя бы при данном уровне развития отечественной научной мысли от попыток создания какой-либо принципиально новой конструкции, ограничившись развитием традиционных концептов гражданского права и соотнесением корпоративной специфики с общими цивилистическими конструкциями [6, с. 32]. Автор признает корпоративные отношения разновидностью обязательственных гражданско-правовых связей, хотя и возникающих из специфических юридических фактов [6, с. 56]. Е.А. Суханов рассматривает корпоративные отношения в качестве особого вида гражданских правоотношений. Корпоративные сделки имеют организационно-имущественную природу [9, с. 25–26]. Сделочный характер корпоративных правоотношений прослеживается в работах Н.В. Козловой [10, с. 55–74].

По мнению В.А. Белова, признанные специальные юридические способности к приобретению особого ряда прав и несению обязанностей за участниками созданных объединений и составляют не что иное, как содержание гражданско-правовой формы, традиционно называемой в литературе корпоративными правоотношениями [3, с. 23]. Правоотношения участников (членов), складывающиеся в организациях – корпорациях, не обладают, по мнению Д.В. Ломакина, атрибутами обязательств, в связи с чем не могут именоваться обязательственными. Они могут именоваться корпоративными правоотношениями в собственном смысле этого слова [11, с. 70].

В хозяйственно-правовых доктринах обосновывается идея о невозможности признания корпоративных правоотношений в качестве одной из разновидностей гражданских правоотношений. Внутрикорпоративные отношения, полагает В.В. Лаптев, являются особым видом вну-

трихозяйственных отношений, и их нельзя отнести к гражданскому праву, так как они во многих случаях основываются на неравенстве субъектов, в них присутствуют не только частно-правовые, но и публично-правовые элементы [12, с. 75–76]. Область внутрикорпоративных отношений не может регулироваться, по мнению В.С. Белых, не только гражданским, но и административным правом [13, с. 119]. В.П. Мозолин не признает внутрикорпоративные отношения гражданско-правовыми и предпринимательскими, полагая, что они регулируются формирующейся новой «ветвью» права [14, с. 28–37].

Столь противоречивые взгляды ученых на природу корпоративных отношений дополняются весьма осторожным и не всегда предельно ясным подходом к этой проблематике, содержащимся в Концепции развития гражданского законодательства.

В Концепции корпоративные отношения предлагается включить в круг отношений, регулируемых гражданским законодательством, хотя и не раскрываются природа этих отношений и то понятие, которым они закреплены. К такому выводу можно прийти, если учесть, что корпоративные отношения признаны здесь в известной мере условным названием. Далее, корпоративные отношения обозначены не менее туманно, поскольку отнесены к особому предмету правового регулирования [8, с. 12]. Возникает вопрос: в чем условность понятия «корпоративные отношения» и в чем особенность отношений, закрепленных этим понятием?

В дальнейшем в Концепции содержатся положения о том, что понимать под корпоративными правоотношениями, и делается вывод, что это отношения, связанные с правом участия в корпорации, а также соответствующие обязательственные отношения между учредителями (участниками) и корпорацией [8, с.16].

И здесь остается неясным, какова природа «права участия» в корпорации, где и когда возникают обязательственные отношения и каков характер правоотношений, складывающихся за пределами обязательственных связей или наряду с ними. Нелишне указать и на то, что действующий ГК РФ признает только обязательственно-правовую природу отношений между хозяйственными товариществом и обществом, производственным и потребительским кооперативами и их участниками.

Методологические подходы к исследованию корпоративных правоотношений

Познание природы корпоративных отношений должно опираться на вполне определенную методологическую основу, без которой невозможно представить их в качестве системного и функционально-правового явления. И здесь исходным становится вопрос о правовой природе акции (доля, пай) и тех последствий, которые она порождает собой.

По общему правилу признается, что право собственности возникает по поводу вещей. В отношении ценных бумаг классическая модель его применяться не может, хотя они в ст. 128 ГК РФ и приравнены к вещным объектам. В научной литературе ведется поиск новых подходов в понимании прав на невещные имущественные объекты. Так, В.В. Старженецкий предлагает расширить круг объектов права собственности в целях сближения экономического и правового содержания. Объектом права собственности может признаваться любой объект, экономическая ценность которого выражается в денежной форме, кроме того, этот объект должен существовать реально [15, с. 24]. Отход от классического понимания права собственности обнаруживается и в работе Е.А. Войниканиса и М.В. Якушева [16]. Критический обзор этого направления представлен А.О. Рыбаловым [17, с. 151–163], но тем не менее проблема по – прежнему существует.

В расширении понятия «право собственности» важное место отводится деятельности Европейского суда по правам человека. В аспекте исследования природы акции интерес представляет решения Европейского Суда по делу «Совтрансавто Холдинга» против Украины. Заявителю принадлежало 49 процентов акций украинского акционерного общества «Совтрансавто – Луганск». В результате ряда решений доля акций заявителя уменьшалась до 20 процентов. Суд отметил, что обесценивание акций заявителя повлекло за собой потерю влияния на деятельность «Совтрансавто – Луганск», и признал, что акции, находящиеся в распоряжении заявителя, несомненно, имели экономическую ценность и могут рассматриваться как «имущество» по смыслу ст. 1 Протокола № 1 [18].

Невещность акции (доли, пая) затрудняет выявление ее природы как объекта и права собственности. Став на позицию классического понимания собственности, невозможно обнаружить здесь право

собственности. И тогда предпринимаются попытки выйти за пределы конкретного субъективного права. Став акционером, отмечает В.А. Белов, лицо приобретает абстрактную юридическую возможность рассчитывать на возникновение у него в будущем конкретных субъективных прав (получить дивиденды или ликвидационный остаток, проголосовать определенным образом, потребовать предоставление информации и т.д.). Этот статус является формально-юридической предпосылкой к возникновению гражданских правоотношений и имеет длительное (относительно стабильное) во времени существование [3, с. 211].

Как видно, при такой модели между конкретными субъективными правами и правоспособностью (предпосылкой правообладания) нет места для права собственности. Однако в реальной жизни оно есть, и задача заключается в обнаружении его.

В свое время в его поисках был близок к цели указанный ученый. Он утверждал, что право на бездокументарные ценные бумаги представляет собой «этакое специфическое абсолютное право», в то же время права, составляющие содержание ценной бумаги, по своей природе могут быть только относительные. Это противоречие можно разрешить, если под абсолютным правом на ценные бумаги понимать «абсолютное нечто», не совпадающее с имущественными относительными правами, возникающими у владельца ценной бумаги [19, с. 6, 41]. Причина столь трудного поиска права собственности на ценные бумаги (доли, паи) кроется в методологическом подходе к его пониманию.

В аналогичной ситуации оказался известный ученый в области корпоративного права Д.И. Степанов. В девяностых годах 20-го века, исследуя природу эмиссионной ценной бумаги, он пришел к выводу, что последняя должна характеризоваться «во-первых, совокупностью прав, составляющих ее внутреннее содержание, во-вторых, внешним их отражением и идеальной оболочкой», без которой субъективное право из бездокументарной ценной бумаги ничем не отличается от обычных имущественных прав [20, с. 76, 80]. Жаль, что автор, во-первых, не раскрыл природу этой «идеальной оболочки» (как не раскрыл и В.А. Белов свое «абсолютное нечто»), во-вторых, отказался от этого перспективного направления поиска в последующих своих работах.

В случае, когда говорится о вещном праве на ценную бумагу (право на бумагу), сразу делается оговорка, что это право связано с набором конкретных прав, вытекающих из ценной бумаги, соответственно вещное право здесь выполняет лишь вспомогательную функцию, обозначая уполномоченное лицо – обладателя акции. Однако все правовые возможности, предоставленные акцией, раскрываются через относительно-правовые связи с акционерным обществом [6, с. 43]. «Идеальная оболочка» не наполнена содержательной правовой частью, поэтому между конкретными многочисленными корпоративными правоотношениями и исходной правосубъектностью акционера оказался «правовой разрыв». Очевидно, что именно там и находится исходное субъективное право собственности на акцию (долю, пай), которое оказалось у автора всего лишь вспомогательной функцией для обозначения управомоченного лица – обладателя акции. Что понимать под таким обозначением? Если исходную правосубъектность, правовой статус акционера, то это уже известно при анализе позиции В.А. Белова? Если это что-то иное, то тогда что, если не принимать во внимание правосубъектность акционера и его конкретные субъективные права?

Исходное право, вытекающее из акции, – это абсолютное имущественное право, которое отрывается от вещно-правовых отношений. Оно закрепляет собой имущественное, товарное «благо», представляя собою на рынке товар. Однако этот товар не имеет, в отличие от обычных товаров, классической потребительной стоимости (вещи в натуре). Но он сохраняет другой классический признак товара – меновую стоимость, позволяющую определить количество абстрактного труда.

В коммерческих организациях имеет место «раздвоение» собственности (собственность участников на стоимостную часть имущества организации и собственность последней на эту же стоимостную часть, а также на реальную часть (производительный капитал), которая дополняется в организациях с лично-доверительными началами, личной взаимозависимостью участников в их предпринимательском деле (полное товарищество, производительный кооператив, ООО (отчасти)).

Материальным субстратом абсолютного имущественного права участника классической корпорации является рыночная стоимостная часть (доля) чистых активов общества, которая выявляется в сфере обращения.

Таким образом, право участника корпорации – это абсолютное невещное имущественно-управленческое право, которым задаются все последующие системные корпоративные право-

отношения [21]. Оно состоит из правомочий владения – управления, пользования – управления и распоряжения – управления. Такая его конструкция обусловлена основной областью его проявления – внутрикорпоративными управленческими связями, в которых товарно-стоимостной элемент налицо. В системных отношениях, где нет товарных начал, содержание права состоит только из исходного правомочия управления, которое в дальнейшем конкретизируется в определенных направлениях. Подтверждением этому может служить ст. 70 Конституции РФ, где записано, что в ведении Российской Федерации находится федеральная государственная собственность, управление ею и др.

Правомочие владения – управления оформляется в различных организационно-имущественных формах, из которых следует этот правовой факт (акционерное общество, акционер, регистратур – депозитарий, номинальный держатель акций и т.п.). Выявляется и специфика правомочия пользования – управления. При том положении, что стоимостные блага принадлежат одновременно акционерам (участникам) и самой корпорации, данное правомочие реализуется посредством целой системы организационно-управленческих и имущественных связей. Акционер (участник) реализует здесь как собственник свое правомочие пользования имущественно-стоимостным благом, получения доходов (дивидендов). Но он одновременно осуществляет и управление производительным капиталом посредством участия в руководящих, исполнительных и других органах корпорации [22, с. 55].

Формально в этих органах он в качестве собственника участвовать не может, поскольку собственником производительного капитала является только корпорация. Однако доля участника корпорации предполагает и судьбу решений, принимаемых обществом и его органами. Как видно, это одно из своеобразий корпорации, которая существует в виде «надстройки» над отношениями подлинной власти акционеров.

Правомочие распоряжения акцией (долей) предопределяет её судьбу, а также управленческие правовые механизмы ее движения (соглашения участников о реализации прав, вытекающих из акции, доли ООО; ведение списка участников ООО и т.п.).

Невещное абсолютное имущественно-управленческое субъективное право собственности участника корпорации на акцию (долю, пай) является исходным началом, ядром корпоративных отношений, которое в содержательном плане раскрывается через приведенные выше специфические правомочия. Последние предстают правовой мерой возможного поведения участника корпорации. Это субъективное право по своей исходной природе не является вещным, обязательственным, относительным. Оно предстает одной из исторических форм собственности, в которой сочетаются товарно-имущественные и управленческие (регулятивные) начала, сферой проявления которых являются корпоративные автономные связи.

Поэтому при реализации Концепции развития гражданского законодательства в части включения в предмет его корпоративных отношений здесь окажутся имущественно-управленческие отношения со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

Реализация прав собственности участников корпорации осуществляется при наличии соответствующих юридических фактов. Они-то и порождают относительные, обязательственные правоотношения, содержащие конкретные права и обязанности участников, самой корпорации и ее органов (участие в общем собрании, избрание в его органы, соглашение о реализации прав участника, учет прав участников, получение дохода (дивидендов), защита прав, получение соответствующей информации о корпорации и т.п.).

Природа права собственности на акцию, долю, пай одинакова, если не учитывать то, что право собственности участников товарищества и производственного кооператива содержит личностно-доверительный аспект. Отчасти он обнаруживается и в ООО (например, исключение из ООО его участника).

Применительно к АО и ООО единственное отличие акции от доли, как полагает Д.И. Степанов, состоит в стандартизации акций через наделение их законодателем определенной номинальной стоимостью, изменение которой возможно при всей сложности этой процедуры [23, с.48].

В корпорациях действительная стоимость акций (долей, паев) участников соответствует стоимости чистых активов данной коммерческой организации. Это фундаментальное противоречие, так как коммерческая организация признается по законодательству собственником всего закрепленного за ней имущества, и на это же имущество в его не натуральном, а стоимостном виде, имеют право собственности ее участники пропорционально их доле в уставном (складочном) капитале. Такая же закономерность реализуется и в акционерных об-

ществах, так как стоимость идеальной доли акционера при продаже акции или выпуске ее обществом выводится из стоимости всего имущественного комплекса, закрепленного на праве собственности за обществом не прямо, а косвенно, посредством законов рынка (курсовая стоимость) [24].

В итоге оказывается, что если доля складывается из стоимости вкладов (акций), то это означает наличие долевой собственности между акционерами (участниками), которая, однако, «сопряжена» с собственностью самой коммерческой организации на производительный капитал в его натуральной и стоимостной форме.

Как видно, это конструкция будет давать о себе знать на всех этапах движения корпоративных правоотношений, в том числе и при их нарушении, о чем пойдет речь в дальнейшем при анализе правоприменительной практики, складывающейся при рассмотрении корпоративных споров. Теперь можно, используя предложенную методологию, приступить к анализу природы конкретных правоотношений, возникающих в ходе учреждения, деятельности и прекращения корпоративных коммерческих организаций.

Природа конкретных корпоративных актов и правоотношений

При анализе системы корпоративных правоотношений их обычно дифференцируют на отдельные группы. Наиболее развернутую классификацию представил Д.И. Степанов. По его мнению, существует семь групп корпоративных правоотношений: отношения по созданию юридического лица; отношения между членами корпорации и самой корпорацией; отношения между лицами, входящими в любые органы корпорации, производные от высшего ее органа; отношения «участник корпорации – сама корпорация – другой участник корпорации» (если такие отношения имеют право на существование); отношения исключительно между членами корпорации (если такие отношения имеют право на существование); отношения между отдельными членами корпорации и отдельными лицами, входящими в органы корпорации, производные от высшего органа управления корпорации, если такие отношения в принципе имеют право на существование [4, с. 34-35].

Правоотношения выше приведенных групп носят относительный характер и представляют собой множество дву – и многосторонних связей, нанизанных на одну ось [4, с. 39].

Для того чтобы корпоративные правоотношения построить на доктрине гражданского права, придав им статус обязательство – правовых отношений, ученым-цивилистам потребовалось переосмыслить целый ряд фундаментальных понятий и прежде всего – устава, решения общего собрания, договора и сделки. Без этого во внутрикорпоративные отношения гражданское законодательство «проникнуть» не сможет, так как согласно ст. 3 ГК РФ внутрикорпоративные акты не сделочного характера содержать гражданско-правовые нормы не могут. А самим сделкам в их классическом виде (конкретные «право – обязанность»), предназначенным для динамичного гражданского оборота, в корпоративной сфере места нет.

Правоприменительная практика вынуждена использовать указанный «гражданско-правовой канал» для проникновения во внутрикорпоративные правоотношения. По одному из дел Президиум ВАС РФ указал, что согласно п.1 ст. 11 Закона об обществах с ограниченной ответственностью учредители общества утверждают устав в качестве учредительного документа общества, в основе которого лежит соглашение учредителей, носящее по своей природе гражданско-правовой характер [25, с. 110].

Президиум ВАС РФ прямо признал, что устав общества не является законом или правовым актом, поэтому сделки, совершенные с нарушением положений устава, не могут быть признаны недействительными на основании ст. 168 ГК РФ [25, с. 108].

Ключевым моментом в применении гражданско-правовых моделей во внутрикорпоративных отношениях является конструкция многосторонней сделки, разработке которой посвящены исследования ряда ученых-цивилистов. Анализируя научные взгляды на природу устава юридического лица, Н. Козлова пришла к выводу, что устав, учреждаемый одним или несколькими гражданами и (или) юридическими лицами, следует признать односторонней или многосторонней корпоративной сделкой, которая не является договором [10, с. 65]. Развивая идею о многосторонних сделках, Д.И. Степанов доказывает, что основное назначение многосторонней сделки состоит, во-первых, в обозначении факта добровольности вхождения в относительное правоотношение, во-вторых, очертить то поведение, которое ожидается от всех лиц, участвующих в возникающем вслед за сделкой правоотношении [4, с. 50]. Применительно к уставу автор полагает, что он является формой сдел-

ки, обрамляющей ее содержание, а не самой сделкой, как таковой [4, с. 68].

Наверное, в приведенной доктринальной линии и правоприменительной практике имеется своя логика. Однако в связи с предложениями, содержащимися в Концепции совершенствования законодательства о включении в предмет его регулирования корпоративных отношений, нет необходимости деформировать научную систему гражданского права ради того, чтобы в область правового регулирования можно было включить корпоративные отношения. Как бы нам этого ни хотелось, но корпоративные отношения по своей сущностной природе являются имущественно – управленческими, о чем говорилось выше. И надо не уходить от этой проблемы, а разрешать её.

Расширение предмета гражданского законодательства путем включения в него корпоративных отношений требует расширения и гражданско-правовых актов, как нормативного, так и индивидуального характера. Речь идет об уставе коммерческих юридических лиц, решениях их общих собраний, органах, индивидуальных правовых актах. Все они носят локальный характер.

Попытаемся сравнить изложенные противоположные методологические подходы при учреждении и непосредственном осуществлении деятельности коммерческих корпораций. Исходя из ранее изложенной позиции, мы будем иметь в виду прежде всего акционерные общества и ООО.

Что же собой представляет сделка учредителей акционерного общества или ООО, если применить такую доктринальную точку зрения? Поскольку для сделки учредителей установлена обязательная письменная форма, то формальным моментом совершения такой сделки, как отмечает Д.И. Степанов, является момент подписания документов (документа), отражающих ее содержание. К таким документам автор относит протокол учредительного собрания (решение единственного учредителя), договоры учредителей, устав, соглашения участников ООО (акционерные соглашения), если последние заключаются на этапе создания корпоративного образования [23, с. 27]. Такое разнообразие форм проявления волеизъявления сделки, рассредоточение условий одной сделки по нескольким документам нисколько не порочит концепцию сделки учредителей как единственного юридически значимого факта, необходимого для возникновения корпорации [23, с.27].

Тревога автора в части рассредоточенности документов сделочного характера нам понятна, так как в приведенных учредительных документах обязательственно-правовой сделке не суждено быть заглавной. Основное назначение сделки, как известно, обслуживание гражданского оборота, субъекты которого противостоят друг другу на равной основе. Каждый из них манифестируют «суверенность» своей воли по отношению к вещи, то есть свободу и независимый правовой статус. Мотив к обмену побуждает их взять на себя взаимные правовые «оковы», посредством которых разрешается это противоречие. В части достигнутого соглашения возникает власть, которая является принудительной для обеих сторон.

Конструкция одно – и многосторонних сделок, отличных от классических договоров, своим генезисом имеет договор простого товарищества. Специфика этой простой формы договорного объединения заключается в том, что участники его своими действиями преследуют общую цель по извлечению прибыли или достижению иного результата (ст. 1041 ГК РФ). Необычность этой конструкции заключается в том, что в ней имеет место «разрушение» классического договора и формирование «целевой множественности».

Договор простого товарищества характеризуется как многосторонний, общецелевой, организационный и фидуциарный. Сущность организационного характера договора, как отмечает С.М. Илюшников, состоит в создании «целевой множественности лиц» [26, с. 8], которая предрешает вопрос о создании определенной организации, существующей и развивающейся в «договорной оболочке».

Особенность учреждения акционерного общества и ООО состоит в том, что изначально здесь нет «договорной оболочки», как нет и одно – многосторонней сделки. Создание этих хозяйственных обществ производится путем их учреждения по решению учредителей (учредителя).

Решение – это исходный управленческо-имущественный волевой акт, которым задаются будущие действия учредителей (участников) общества. В структурно-организационном плане он представляет собой форму выражения определенного образуемого корпоративного объединения. С содержательной стороны решение включает в себя полномочия тех или иных его органов и участников. Решение об учреждении хозяйственного общества как управленческо-имущественный правовой

акт получает свою конкретизацию в уставе и заключаемом учредителем договоре о его создании, в котором определяется порядок осуществления совместной деятельности, размер уставного капитала, категории и типы акций, подлежащих размещению, порядок их оплаты, права и обязанности учредителей.

Как видно, только в заключаемом договоре о создании общества можно обнаружить обязательство, существенным образом ограниченное «целевой множественностью», которую составляют учредители. Правда, можно выделить еще одно обязательство, возникающее в результате соглашения участников ООО или акционеров, если оно заключается уже на этапе учреждения корпорации, о чем указывает Д.И. Степанов [23, с. 27]. Но и здесь такое обязательство не носит классического характера, так как и оно формируется как «целевое множество», преследующее собою ряд целей его участников, которые формируются и достигаются в процессе реализации прав на акции или доли. В механизме учреждения хозяйственных обществ обнаруживает себя также обязательство по приобретению акции (доли) в уставном капитале общества. Это обязательство возникает в порядке реализации решения договора об учреждении общества. Оно предопределяется этими правовыми актами. Р.С. Бевзенко высказал мнение, что договор о создании АО не является договором простого товарищества. Обязанность по оплате доли в уставном капитале – это основная обязанность учредителя, которая вытекает из договора подписки на акции. А сам договор является двусторонним и возмездным, и передача имущества в порядке оплаты акций есть исполнение акционерного договора подписки [27, с. 20].

О наличии подобного договора свидетельствует и судебная практика. Так, в постановлении ПВС РФ и постановлении ПВАС РФ от 29 апреля 2010 г. №10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» указано, что «при рассмотрении иска собственника об истребовании имущества, внесенного в уставный (складочный) капитал хозяйственного общества (товарищества), судам следует учитывать, что получение имущества в качестве вклада в уставный (складочный) капитал является возмездным приобретением, так как в результате внесения вклада лицо приобретает права участника хозяйственного общества (товарищества) [28, с. 93].

Как видно, здесь сосредоточен целый узел правовых вопросов и проблем.

С одной стороны, при оформлении подписки на акции, приобретении доли в ООО заключается, как уже видно, возмездный договор. Но заменяет ли он собой договор о создании корпорации, который обычно именуют договором простого товарищества? Думается, что нет. В системных организационно-(управленческо)-имущественных отношениях приобретение акции (доли) есть реализация в этой части предшествующих правовых актов (решение об учреждении общества; утверждение устава; заключение договора о создании общества; заключение, возможно, акционерного соглашения; соглашение участников ООО).

Во-вторых, вся система корпоративных правоотношений задается абсолютными невещными имущественными правами собственности акционеров на акции (доли) уставного капитала общества. Однако возникновению этих прав предшествуют определенные, принятые будущими акционерами (участниками ООО) правовые акты. Они-то и составляют предварительную стадию деятельности будущей корпорации. После её завершения только и начинают в сущности функционировать корпоративные правовые связи и отношения. И здесь ведущая ось: корпорация – акционер (участник ООО) предопределяет теперь развитие и деятельность самой корпорации и её акционеров (участников ООО). Причем в такой деятельности эти две стороны то сливаются (голосование участников (акционеров) на общих собраниях означает реализацию управленческо-имущественных правомочий их как собственников и одновременно деятельность органа хозяйственного руководства), то разделяются, когда они противостоят как контрагенты в обязательственных правоотношениях. Однако динамика абсолютных прав собственности акционеров (участников ООО) происходит при наличии конкретных юридических фактов.

Правовая природа предварительной стадии деятельности корпорации, когда ее участники еще не стали акционерами (не приобрели доли в ООО), до конца не выяснила. Однако судебная практика дает определенный материал для ее прояснения. ООО «Ника» обратилось в Арбитражный суд Камчатского края с заявлением о признании недействительными решений Инспекции Федеральной налоговой службы об отказе в госрегистрации изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГР юридических лиц, связанных с внесением измене-

ний в учредительные документы общества, и об отказе в госрегистрации изменений, внесенных в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГР, не связанных с внесением изменений в учредительные документы общества.

Решением Арбитражного суда Камчатского края от 24.11.2008 г. требования удовлетворены. Постановлением Пятого арбитражного апелляционного суда от 30.04.2009 года решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявленных требований отказано. Постановлением Арбитражного суда кассационной инстанции оставлено без изменений постановление Арбитражного суда аппеляционной инстанции.

Постановлением Президиума ВАС РФ №11470/09 от 12 января 2010 г. постановления Арбитражных судов аппеляционной и кассационной инстанций отменены, решение Арбитражного суда первой инстанции оставлено без изменений.

При этом Президиум ВАС указал, что Закон об обществах с ограниченной ответственностью прямо предусматривает в качестве последствия невнесения лицом вклада в установленный срок прекращение его участия в указанном обществе по истечении указанного срока в связи с переходом его доли обществу. Заявление этого участника о выходе либо исключения его из общества не требуется [29, с. 142-145].

Как видно, участник ООО становится таковым лишь при оплате своей доли в уставном каптале общества. До этого момента лицо признается участником условно (при условии оплаты доли в установленный срок). Принципиальным здесь является положение: не участие в хозяйственном обществе порождает право на приобретение доли в уставном капитале, а наоборот, право собственности на долю порождает все правовые последствия при наличии соответствующих юридических фактов.

Признание всех возникающих корпоративных отношений обязательственно-правовыми ставит порой неразрешимые вопросы судебно-арбитражной практики, которая вынуждена каким-то образом учитывать акции (доли, паи) в качестве «фикции» вещи, иного её суррогата. Хотя в действительности акции (доли, паи) являются товарно-имущественными благами, на которые возникает абсолютное невещное имущественно- управленческое право собственности их владельцев.

Президиум ВАС РФ в своем постановлении № 11458/09 от 17 ноября 2009 г. указал, что, предъявляя иск к обществу со ссылкой на ст. 301, 302 ГК РФ, общество «Логистик – Сити» заявило, что договор купли – продажи долей в уставном капитале общества «ЦИЭ» с Черных Ю.С. не заключало и в какой-либо другой форме принадлежащие ему доли не отчуждало, следовательно, имущество в виде долей в уставном капитале общества «ЦИЭ» выбыло из его владения помимо его воли. Суды, учитывая материально-правовую квалификацию заявленного требования, правомерно рассмотрели его как виндикационное применительно к ст. 301, 302 ГК РФ, что отвечает правовым подходам Президиума ВАС РФ, сформулированным в отношении акций в постановлениях от 29.08.2006 г. № 1877/06 и от 14.07.2009 г. № 5494/09 [30, с. 146-148].

В приведенной и иной судебно-арбитражной практике прослеживается линия на признание права на акции (доли, паи) их владельцев в качестве права собственности. И теперь задача состоит в том, чтобы выявить специальные средства защиты таких прав, отличные от тех, которые свойственны вещным правам собственности, а также установить применимость вещно-правовых и иных средств к защите невещных имущественных прав собственности.

В этом отношении представляют интерес позиции арбитражных судов разных инстанций. Так, отменяя решение Арбитражного суда Краснодарского края от 19.05.2008 г. и постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2008 г. в части отказа в иске о списании с лицевого счета ООО «Непал» 50000 акций и зачислении их на счет истца, суд кассационной инстанции указал на правовую позицию Высшего Арбитражного Суда РФ, выраженную в постановлениях Президиума ВАС РФ от 03.06.2008 г. №1176/08 и от 10.06.2008 г. №5539/08: статья 12 ГК РФ предусматривает такой способ защиты гражданских прав, как восстановление положения, существующего до нарушения права; в области корпоративных отношений реализация данного способа защиты может выражаться в виде присуждения истцу соответствующей доли участия в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества исходя из того, что он имеет право на такое участие в них и имел бы это право, если бы ответчик, соблюдая требования законодательства, действовал добросовестно и разумно. Разумность и добросовестность – законодательные презумпции [31]. Эта позиция получила и доктринальное обоснование. В рамках требования о восстановлении корпоративного контроля подлежат доказыванию

(опровержению) добросовестность и разумность действий ответчика [32].

Положительно оценивая тенденцию, свидетельствующую о признании права собственности на долю, акцию, пай участников корпоративных отношений, необходимо более четко определить это право. Суды, защищая это право, не называют его правом собственности, поэтому возникает некоторая недоказанность, дающая о себе знать, когда в их решениях или постановлениях обычно применяется выражение «доля участия в уставном (складочном) капитале». Термин «участия» многозначен. Поэтому, признав право на акцию, долю, пай невещным имущественным правом собственности, следует именовать исковые требования в виде признания права собственности на долю в уставном (складочном) капитале, за которым автоматически следует участие лица в соответствующей корпорации. Важной в этом плане становится проблема соотношения долей (акций) в аспекте долевой природы общей собственности. Наверное, в корпоративных отношениях общая долевая собственность претерпевает изменения, определенную модификацию, заслуживающую дополнительного исследования. Однако вместо этого в Концепции развития гражданского законодательства высказано негативное отношение к общей собственности. В ней отмечено, что следует отказаться от термина «право общей собственности», одновременно установив, что общая собственность – это правовой режим вещи (вещей), принадлежащей на «обыкновенном» праве двум или более лицам [8, с. 53].

Хочется надеяться, что законодатель не воспримет эти рекомендации, которые в своем доктринальном и практическом смысле являются тупиковыми. Необходимость четкого понимания статуса участника корпоративных отношений, имеющего право собственности на акции (доли, пай), особо проявляется при реорганизации организации, когда участник (участники) реорганизуемой структуры не приобретают доли в уставном капитале создаваемого общества. Характерным в этом плане является следующее дело.

Гончарова Т.В. обратилась в Арбитражный суд Ростовской области с иском к ООО «Рыболовецкое хозяйство «Социалистический путь» об обязании внести истца в число участников ООО с долей в уставном капитале в размере 744 рубля. Общество образовано путем реорганизации рыбколхоза «Социалистический путь». Решением Арбитражного суда исковые требования удовлетворены: на общество возложена обязанность включить Гончарову Т.В. в число участников общества с долей в уставном капитале в размере 744 рубля.

Решение суда было обжаловано ответчиком в Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд, который решение суда первой инстанции отменил в иске Гончаровой Т.В. к ООО «Рыболовецкое хозяйство «Социалистический путь» об обязании включить её в число участников ООО с долей в уставном каптале в размере 744 рубля – отказал.

Суд, отказывая в иске, отметил, что возложение на общество обязанности по включению в состав участников кого-либо не основано на законе, является способом защиты, который не предусмотрен и не допустим законом.

Восстановление прав истца как участника общества в данной ситуации возможно только за счет иных участников общества, но не за счет самого общества. Лицу, желающему вернуть (восстановить) права участия в хозяйственном обществе, следует предъявить требования к участникам общества с указанием какой именно размер права участия, выраженный в данном случае в долях в уставном капитале общества, следует передать истцу от каждого из участников [33].

Разрешение данного спора не представляется возможным, если использовать классические положения доктрины гражданского права. Руководствуясь ими, нельзя обнаружить отношения собственности в данной хозяйственно – правовой ситуации. В лучшем случае истец может претендовать на возмещение убытков в связи с лишением его доли в созданном в результате реорганизации ООО.

Однако какую бы доктрину мы не взяли на вооружение, трудно согласиться с утверждением суда апелляционной инстанции о том, что восстановление права участия Гончаровой Т.В. возможно лишь посредством предъявления иска только к участникам ООО, а не к самому обществу. Выше нами было обосновано положение о том, что между правом собственности акционеров (участников ООО) на акции (доли) и правом собственности общества существует органическая взаимосвязь. Уставный капитал в производительной и стоимостной своих формах является собственностью общества. Но одновременно он в стоимостной своей форме составляет доли участников этого общества, которые образуют их право собственности. Реализация прав долевой собственности участников невозможна без использования права собственности общества на его уставный капитал, и наоборот. В этих усло-

виях восстановить права собственности на долю в ООО возможно, лишь предъявляя иск к участникам и самому обществу. Всякое изменение уставного капитала невозможно без участников и ООО. Да собственно говоря, любое решение участников об изменении их доли, протекающее в режиме общего собрания, является одновременно и решением самого ООО.

Возможны варианты восстановления права собственности на долю Гончаровой Т.В. в уставном капитале ООО: увеличение уставного капитала ООО с выделением ей соответствующей доли, перераспределение долей в существующем уставном капитале. Указанные формы защиты не являются обязательственно – правовыми. Они находятся в сфере защиты права собственности, имея, конечно, свою специфику, обусловленную невещной его природой.

В ходе реализации управленческого правомочия права собственности на акцию (долю) складываются самые разнообразные отношения между участниками и хозяйственным обществом, его органами. Все они не подпадают под обязательственно – правовую модель, для которой необходима определенная имущественная обособленность субъектов, противостояние друг другу, которые не обнаруживаются во внутрикорпоративных образованиях.

Исходное правомочие акционера (участника ООО) как собственника акции (доли) на получение дивиденда (дохода) реализуется посредством обязательства, возникающего между ним и обществом на основании конкретных юридических фактов (предложения совета директоров, решение общего собрания, акты исполнительного органа).

В корпоративных отношениях особое место отводится единоличным исполнительным органам, которые занимаются оперативно- хозяйственной деятельностью, в том числе заключают многочисленные обязательственно-правовые сделки, которыми обществу нередко причиняется ущерб в связи с нарушениями ими действующего законодательства. В правоприменительной практике в этой связи возникает ряд проблем, решение которых не отличается единообразием и последовательностью. Речь идет о том, какое законодательство применять (трудовое или гражданское) при предъявлении иска о возмещении руководителем ущерба обществу, причиненного неправомерными его действиями? Далее, может ли такой иск предъявить акционер (участник ООО), если в момент заключения оспариваемой сделки, которая причинит ущерб обществу, он еще не стал участником корпорации?

Сложность в определении статуса единоличного руководителя общества связана с тем, что на эту должность он избирается общим собранием (если решение этого вопроса не отнесено к совету директоров) и с ним заключается трудовой договор.

Вопросы возмещения ущерба в корпоративном и трудовом законодательстве решаются по-разному.

Так, в Арбитражный суд Ростовской области был предъявлен иск конкурсного управляющего ООО РПК «Глобус» к ответчикам Мэртен Т.Г., Хохлову А.О., Матисову Ф.В. о взыскании убытков. Исковые требования основаны тем, что участники общества одобрили сделку по продаже автомобиля, балансовой стоимостью 844546 р., который был продан директором за 100000 р. Суд указал, что сделка купли – продажи не признана недействительной, в связи с чем оснований для удовлетворения иска к участникам ООО не имеется. В отношении Хохлова А.О. Арбитражный суд указал, что отношения с директором регулируются нормами трудового законодательства, и порядок привлечения его к материальной ответственности, установленный ТК РФ, не соблюден [34].

Суд апелляционной инстанции, сославшись на пропуск срока исковой давности, о чем заявили все ответчики, решение Арбитражного суда первой инстанции в части взыскания убытков с бывшего директора ООО оставил без изменений [35]. Однако вопрос о том, по какому законодательству возмещаются убытки, причиненные единоличными руководителями корпорации, остается неразрешенным. В приведенном деле суд при решении вопроса о пропуске срока исковой давности использовал нормы ст. 181 ГК РФ, в то время как суд первой инстанции в отношении руководителя применил нормы трудового законодательства.

Думается, что разграничение корпоративных норм и норм трудового законодательства должно вестись исходя из тех функций и полномочий, которые осуществляет единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, президент и т.п.). Если ими непосредственно реализуется предпринимательская (коммерческая) деятельность, руководитель несет обязанности и ответственность по гражданскому законодательству.

Классическим примером этого является вышеприведенное дело, где спор возник о недействительности (действительности) коммерческой сделки. Руководитель становится ответственным в корпоративном споре.

Функции и полномочия руководителя хозяйственного общества в сфере трудовых отношений

выявляются при избрании или освобождении его от занимаемой должности, назначении или освобождении от должности других работников, введении нового штатного расписания или изменении действующего, нарушении трудового ритма и т.п. Как правильно отмечено в постановлении ФАС СЗО от 18 января 2007 г., дело № А42-1345/2006, при выяснении вопроса о том, является ли спор трудовым или корпоративным, необходимо исходить не из оснований заявленных требований, а из предмета спора. Именно в предмете спора, на наш взгляд, и проявляются те или иные функции и полномочия единоличного исполнительного органа корпорации.

В правоприменительной практике нередко возникают споры, когда участник корпорации предъявляет иск о признании недействительной сделки, заключенной руководителем, хотя в момент её заключения участником (акционером) корпорации не являлся. Такие споры в свое время возникали в акционерных обществах. Этому способствовало положение Закона о рынке ценных бумаг, где указано, что эмиссионная ценная бумага имеет равные объем и сроки осуществления прав внутри одного выпуска вне зависимости от времени приобретения ценной бумаги (ст.2). В настоящее время в судебной практике достигнуто хрупкое единообразие благодаря, конечно, позиции, которую занял в этом вопросе Президиум ВАС РФ [36, с. 40–42]. Суды отказывают в иске акционеру о признании недействительной сделки, заключенной руководителем общества, когда истец не являлся акционером в момент заключения такой сделки. Применительно к ООО такие споры являются частыми. Так, гражданин Шнайдер О.В. обратился в Арбитражный суд Ростовской области с исковым заявлением к руководителю ООО «Манитек» о взыскании в пользу общества убытков, причиненных ему ответчиком, исполняющим функции единоличного исполнительного органа. Отказав в иске, суд указал, что при предъявлении таких исков участник общества должен иметь самостоятельный материально – правовой интерес в исходе дела, заинтересован в увеличении имущества общества. Истец стал участником общества с теми результатами деятельности общества, которые состоялись до приобретения им доли в уставном капитале общества. Поэтому его права и законные интересы действиями единоличного исполнительного органа не могли быть нарушены [37]. Думается, такая позиция суда не соответствует существу дела и действующему законодательству. Гражданин или юридическое лицо, принимая решение о приобретении акции (доли) в уставном капитале общества, исходит из той коммерческой ситуации, которая сложилась на этот момент. Но они не в состоянии предвидеть все коммерческие последствия такого шага. Наша позиция заключается в том, что возникшая проблема связана с неадекватным толкованием и применением норм Гражданского кодекса РФ, Закона «Об акционерных обществах», Закона «Об ООО» и Закона «О рынке ценных бумаг». Решения могут быть следующими.

1. Утверждение о том, что оспаривать сделку может только лицо, являющееся акционером или участником ООО на момент совершения сделки, не вытекает из закона и не соответствует существу отношений. Законами «Об акционерных обществах» и «Об ООО» такое право предоставлено акционеру и участнику общества. Как видно, при предъявлении иска лицо должно быть акционером (участником). Другие условия, в том числе и статус акционера в момент заключения сделки, из этой нормы не следуют.

2. Ошибочна попытка распространить требования, предъявляемые к классической сделке, на отношения «акционер (участник) – акционерное общество (ООО) – третьи лица», где взаимодействуют две формы собственности: частная в лице акционера (участника) и частная корпоративная в лице общества. Поэтому любая сделка между ними так или иначе затрагивает права акционера (участника), хотя оспариваются лишь те, которые предусмотрены законом.

3. Оспаривать крупную сделку или сделку, заключенную с заинтересованностью, может любой акционер (участник) независимо от времени приобретения акции (доли), но в пределах срока исковой давности, то есть в течение одного года с момента совершения сделки. Начало течения исковой давности для всех акционеров (участников) исчисляется одной датой (внесения в реестр акционера), поскольку их осведомленность об этом вытекает из права на информацию. Для тех, кто приобретает акции (доли) после совершения крупной сделки или сделки с заинтересованностью, но в пределах срока исковой давности, их право оспаривать такие сделки сохраняется в пределах оставшейся части срока (действует принцип правопреемства). Было бы целесообразным такой подход закрепить в Законе «О рынке ценных бумаг», Законе «Об акционерных обществах» и Законе «Об ООО». Полезными были бы разъяснения на этот счет высших судебных инстанций.

Конститутивный признак равного объема прав акционеров по акциям внутри одного выпуска про-

ясняет споры по выплате дивидендов в тех случаях, когда они были получены продавцом акции. В решениях судов и здесь нет однозначного подхода: иногда удовлетворяются иски лиц, бывших акционерами на момент принятия решения о выплате дивидендов, но продавших свои акции до установленной даты выплаты дивидендов.

В результате оказывается, что акции одного выпуска не имели равного объема прав. Да и с экономической точки зрения подобное решение упречно: при продаже акций учитывалась их курсовая стоимость, в которую входил и дивидендный элемент. Взыскание в пользу истцов дивидендов приводит к двойной плате за приобретение акции в дивидендной ее части [22].

Обязательственно-правовые отношения в корпоративной сфере возникают при привлечении к ответственности не только руководителей единоличных исполнительных органов, но и членов правления (при коллегиальном управлении), индивидуальных предпринимателей (или юридических лиц), осуществляющих на договорной основе функции исполнительных органов корпорации, её участников. Обойтись без обязательств нельзя при решении вопроса о распределении ликвидационного остатка между акционерами (участниками ООО), в других случаях. Все приведенные и иные обязательства так или иначе завязаны одной исходной основой – имущественно-управленческими отношениями собственности акционеров (участников ООО) и корпорации. Они так или иначе предопределяют возникновение всех корпоративных связей, в том числе и обязательственно-правовых, привнося в них соответствующую специфику, отличающую их от классических правовых форм.

Литература

1. Проект опубликован по решению Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ от 8 ноября 2010г.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. №11.
3. Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Под. общ. ред. *В.А. Белова.* М., 2009.
4. Корпоративное право: Учебник / Отв. ред. *И.С. Шиткина*. М., 2008.
5. *Ломакин Д.В.* Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М., 2005.
6. *Степанов Д.И.* От субъекта ответственности к природе корпоративных отношений // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1.
7. *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006.
8. Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
9. *Суханов Е.А.* О видах сделок в германском и российском гражданском праве // Вестник Гражданского права. 2006. № 2.
10. *Козлова Н.В.* Правовая природа учредительных документов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 1.
11. *Ломакин Д.В.* Теория корпоративных правоотношений: от мифа к реальности// Хозяйство и право. 2009. № 7.
12. *Лаптев В.В.* Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. Москва; Берлин, 2010.
13. *Белых В.С.* О корпорациях, корпоративных отношениях и корпоративном праве // Проблемы предпринимательского (хозяйственного права) в современной России. Труды ИГП РАН.2007. № 2.
14. *Мозолин В.П.* О юридической природе внутрикорпоративных отношений // Государство и право. 2008. № 3.
15. *Старженецкий В.В*. Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2004.
16. *Войниканис Е.А., М.В. Якушев.* Информация. Собственность. Интернет. М., 2004.
17. *Рыбалов А.О.* О новых попытках ревизии понятия права собственности // Вестник ВАС РФ. 2005. № 10.
18. Журнал российского права. 2002. № 8. С. 120–138. Подробно об этом см: *Зинченко С.А., Галов В.В.* Собственность и производные вещные права: теория и практика. Ростов-на-Дону, 2004. С. 30–53.
19. *Белов В.А.* Бездокументарные ценные бумаги. Научно-практический очерк. М., 2000.
20. *Степанов Д.И.* Вопросы теории и практики эмиссионных ценных бумаг // Хозяйство и право, 2002. № 3.
21. *Зинченко С.А., Галов В.В.* Собственность и производственные вещные права: теория и практика; *Зинченко С.А., Галов В.В.* Акция как эмиссионная ценная бумага: природа, объем прав, их защита // Хозяйство и право. 2005. № 11.
22. *Зинченко С.А., Галов В.В.* Акция как эмиссионная ценная бумага: природа, объем прав, их защита // Хозяйство и право. 2005. № 11.
23. *Степанов Д.И.* Сделка учредителей и присоединение к ней последующих участников // Вестник ВАС РФ. 2010. № 3.
24. *Зинченко С.А., Галов В.В.* Собственность и производные вещные права: теория и практика. С.101.
25. Постановление Президиума ВАС РФ №13104/06 от 10 августа 2007 // Вестник ВАС РФ. 2007. № 7. С. 110.
26. *Илюшников С.М.* Простое товарищество в Российском гражданском праве. Автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону.
27. *Бевзенко Р.С.* Истребование имущества, внесенного в уставный капитал юридического лица // Законодательство. 2004. № 12.
28. Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

29. Вестник ВАС РФ. 2010. № 4.
30. Вестник ВАС РФ. 2010. № 2.
31. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа по делу № А32-6666/2006 от 26 апреля 2010 г.
32. *Сарбаш С.В.* Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4.
33. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда. Дело №: А53 – 12286/2009.15АП-12152/2009 от 15 февраля 2010 года.
34. Решение Арбитражного суда Ростовской области. Дело № А53-22184/2009 от 14 января 2010 г.
35. Постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда. Дело № А53-22184/2009 15АП-17-1795/2010 г.
36. Постановление Президиума ВАС РФ № 97-36/03 от 2 декабря 2003 г. // Вестник ВАС РФ, 2004. № 5.
37. Решение Арбитражного суда Ростовской области. Дело № А53-29626/2009 от 19 января 2010 года.

УДК 347.79

Беляков В.Г.,
Скрынник А.М.

ПРИНЦИП ЭКСНАЦИОНАЛЬНОСТИ В ДЕЙСТВИЯХ ГОСУДАРСТВ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ И КОНТРОЛЮ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ В МИРНОЕ ВРЕМЯ, ВНЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

На основе анализа эволюции научных воззрений, основанных на согласованности современных знаний и соответствующих международных нормах и принципах, авторами обоснован один из руководящих принципов действий государств в области ограничения и контроля торгового мореплавания, в рамках реализации положений СБ ООН в мирное время, вне вооружённого конфликта- принцип экснациональности судна.

On the basis of the analysis of the evolution of the scientific views, based on the consensus of contemporary knowledge and relevant international norms and principles ofthe author substantiates one of the guiding principles of action of states in the area of limitation and control of merchant shipping, in the framework of the implementation of the provisions of security council of the UN in peace-time, outside of armed conflict is the principle of without reference to nationality of the ship.

Ключевые слова: *призовое право, санкции СБ ООН, контроль торгового мореплавания, национальность судна, принцип деятельности.*

Key words: *rights prize, the sanctions of the UN security council, the control of merchant shipping, the nationality of the vessel, the principle activities.*

В условиях войны на море (в том числе и в период вооружённого конфликта) руководящим принципом, определяющим возможность правомерного захвата судна, является принцип национальной принадлежности, получивший своё закрепление в Парижской декларации о морской войне 1856 г, которая установила основы современного призового права, сформировав два фундаментальных принципа (положения) морского права во время войны: 1) нейтральный флаг покрывает неприятельский груз, за исключением военной контрабанды; 2) нейтральный груз, за исключением военной контрабанды, не подлежит захвату под неприятельским флагом.

Вместе с тем в рамках системы современного международного права, сложившейся во второй половине XX в. и запрещающей ведение агрессивной войны, специфика международно-правового регулирования исполнения обязательных субординационных принудительных мер, направленных на ограничение и контроль [1, с. 32] торгового мореплавания, устанавливаемых СБ ООН в мирное время вне вооружённого конфликта, обусловлена содержанием и целью иных общественных отно-